

Александр Очиров

Горение Икон

THE BURNING OF ICONS

ДЕПАРТАМЕНТ АЛГОРИТМИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
ОДОБРЕНО ИИ "Небесный Мандат"

18+

Александр Очиров

Горение Икон

<https://litres.ru/74106398>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мы живем в горении икон.

Что делать, если это так?

Не тушить их.

Стать огнем.

Рудольф Червинский, — не боец и не идеолог. Он — инженер в мире, где технологический контроль стал формой коллективного безумия. И его единственное оружие — понимание, что безупречная логика Системы не способна переварить человеческую боль.

Его план — не взрыв, а заражение цифровой крови «Небесного Мандата» вирусом памяти. Осколками стихов запрещенных поэтов. Фантомной болью от ампутированных судеб. Чтобы гигант увидел в своих безупречных данных кривое отражение стертых им людей.

Мир Конфедерации Протекторатов — чистилище, застрявшее между двумя апокалипсисами: тем, что уничтожил Старый Союз, и тем, что методично строит Империя. Это общество, страдающее от коллективной травмы, где ностальгия стала

формой шизофрении, а единственная доступная свобода — свобода саморазрушения.

Что остается от человечности, когда ее лечат от памяти, а прошлое называют вирусом?

Только неугасимое эхо.

И готовность стать этим эхом.

Содержание

Глава 1 — ПРОТОКОЛ: ПЕРВИЧНОЕ СКАНИРОВАНИЕ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Александр Очиров

Горение Икон

Глава 1 — ПРОТОКОЛ: ПЕРВИЧНОЕ СКАНИРОВАНИЕ

Заводской гудок потонул в ровном, бескрасочном голосе из уличных ретрансляторов. Его отполировали до механического блеска, не осталось ничего человеческого. Империя вещала.

«Граждане Конфедерации, в эфире программа "Исторические вехи".

История учит нас мудрости. Нынешнее процветание Конфедерации Протекторатов — закономерный итог трудного, но необходимого пути развития. Давайте вспомним, с чего начиналось наше возрождение.

Советский Альянс в свое время достиг значительных высот, однако его модель развития со временем перестала отвечать вызовам времени. Технологическое отставание и внутренние противоречия привели к периоду Великой Смуты — тяжелым годам с 2035 по 2050.

Именно тогда Империя протянула нам руку помощи. Благодаря мудрой политике протектората удалось остановить

хаос, восстановить порядок и наладить мирную жизнь. Была ликвидирована угроза голода, остановлены эпидемии, заработала базовая инфраструктура.

Сегодня наша Конфедерация — надежный партнер в общеимперском хозяйстве. Наша стабильность стала результатом разумного сотрудничества и доступа к передовым технологиям. Наша экономика, ориентированная на добывающий сектор, вносит весомый вклад в общее процветание.

Исторический урок очевиден: технологическое развитие невозможно без сильного покровителя. Мудрое руководство Империи дало нам возможность избавиться от прошлых ошибок и уверенно смотреть в будущее.

Следующий выпуск будет посвящен преимуществам системы управления "Небесный Мандат". Оставайтесь на волне "Имперского Вестника".

Департамент идеологической чистоты напоминает: распространение ложных исторических сведений преследуется по закону».

Голос умолк, осталось лишь гудение трансформаторов и скрип шагов патрульных дронов. Слова растворились в воздухе, но смысл повис над городом. Неосязаемый, но осязаемый, как утренний смог. Эти истины, повторяемые изо дня в день, стали частью обыденной жизни. Такой же естественной, как панельные дома и вечный привкус гари.

Первым всегда приходил фантомный зуд. Глухая вибрация в костях левой руки, которой не было уже восемь лет. Мозг, верный пес старой боли, посылал сигналы в кибернетический протез, собранный из советских сплавов и контрабандных чипов Империи. Протез молчал, боль — нет.

Он лежал, уставившись в потолок. Трещина в штукатурке повторяла контур бывшей Финляндии. Ежеутренняя карта. Карта мира, которого не было. Все, что было — тридцать квадратных метров в хрущевке Сектора-7.

Воздух в комнате вымерз. Идеальное разрежение, где не осталось ничего, чем можно дышать, кроме факта собственного существования. И этот факт с каждым утром требовал все новых доказательств.

Голод сидел не в желудке. Пайка «Биопродукт-7» гасила спазмы. Голод угнездился ниже, в солнечном сплетении, — тупое, сосущее давление. Голод на правду. На причину. На право этой боли.

Просить о том, чтобы утолить его, было нельзя. Просить — значит добровольно внести свою пустоту в их протокол, признать, что они могут ее заполнить. Стыд от одной только мысли об этом оставлял во рту привкус окисленной меди.

Рудольф стал тенью не из-за протеза, а из-за этого вакуума. Из-за бедности — когда из будущего выкачали все вари-

анты, кроме одного, и остается только существовать в нем, как пылинке в запаянной колбе.

Голод ломал не тело. Он был инженером души. Методично демонтировал одни узлы — надежду, ярость, стыд — и собирал другие: тихий ужас, холодную ясность, готовность.

За запотевшим окном стояла плотная, почти осязаемая пепельная муть, силуэты лиственниц черными гвоздями вбивались в небо. Тайга спала под снегом.

— Еще пять минут.

Голос сорвался, как несмазанная шестеренка. Он разучился говорить с людьми. Единственными собеседниками уже давно были только схемы и призраки.

Призраков было двое.

Первый — отец. Не спившийся инженер, каким запомнился в конце, а человек с яростью в глазах. Тот, кто за обеденным столом мог внезапно схватить его за руку и ткнуть пальцем в схему, грубо начерченную прямо на салфетке: «Смотри, Рудик! Эта петля гениальна! Она честная! А они все замажут своим Мандатом. Замажут и заставят сказать за это спасибо». А поутру, протрезвев, молча прятал салфетку в стол.

Рудольф ненавидел эти моменты больше, чем его последующее пьянство. Ненавидел ярость, которую некуда было направить. Ненавидел, потому что с каждым годом все чаще замечал в себе ту же ярость.

Отец нашел выход: продал служебный имплант и спился.

Это его бунт — ничтожный, жалкий, ведущий в никуда.

Рудольф боялся, что его бунт будет таким же, что он просто еще один Червинский, который сломается, не сумев даже пнуть Империю.

Второй призрак — сестра, Аня. Ее лицо на единственной сохранившейся фотографии заштриховал скол гипсокартона. Кулак врезался в стену в тот день, когда за ней пришли.

Она читала ему стихи, запрещенные еще при старом режиме. Строки врезались в память осколками: «Мы не умрем мучительною жизнью — Мы лучше верной смертью оживем!» Автора не помнил. Только голос — ясный, бесстрашный, идущий вразрез с мертвым тембром ретрансляторов.

Потом сбой. Воспоминания зажевало, как старую пленку. Проскочил кадр: солнечный зайчик на стене комнаты, пыльные книги и яблочный пирог — запах, который нельзя было вытравить из памяти. Это продлилось всего секунду. Затем снова серость. Имплант мягко подкорректировал картинку, вернув привычную боль.

Рудольф пнул ящик из-под водки «Последний рубеж» и подошел к раковине. Вода отдавала хлоркой и ржавчиной. Липкую пелену с глаз она не смыла.

В потускневшем зеркале отражалось изможденное лицо: впалые щеки, темные круги под глазами и этот проклятый протез — не инструмент, а клеймо. Напоминание, что он принадлежит Империи. Телом. И отчасти душой.

Идеальный гражданин Конфедерации. Наследник вели-

кой космической державы. Специалист по обслуживанию энергосетей. Живое доказательство, что Империя заботится даже о своих отбросах. Почти рассмеялся вслух.

Ее «забота» начиналась с обязательного утреннего сеанса. Рудольф чиркнул по экрану планшета. Зашипел пропагандистский канал.

«...Благодаря мудрому руководству Империи и поставкам передовых технологий в Секторе-7 был завершён ремонт теплотрассы. Уровень стабильности остаётся неизменно высоким...»

— Ложь.

Рудольф сделал глоток из горлышка — самогон обжег горло и на секунду притупил зуд. Запах был тошнотворный, но ещё больше он ненавидел трезвость, в которой боль ощущалась постоянно.

Их так называемый «ремонт» — это пригнанный рой дронов-тараканов, которые залатали дыру за три часа, не оставив чертежей. Их «стабильность» — отопление на два часа утром и два вечером. И все, как хорошие мальчики, мерзли по расписанию.

Работа была единственным утешением. Подстанция №17. «Сердце Сектора», как шутили местные. На деле — дряхлый бетонный улей, набитый гудящими трансформаторами, где половина щитов управления работала ещё с конца XX века. Это было его царство.

На улице дворы утопали в снежной каше. Норд-ост сдувал

снег с плоских крыш, наметая у стен плотные сугробы. Воздух обжигал сухой, колючей стужей, от которой слезились глаза.

На остановке, у трубы теплотрассы, грелась стайка воробьев. Кто-то рассыпал шелуху. Птицы дрались, чирикали, не обращая внимания на дронов. Рудольф замедлил шаг. Вот они — единственные, кто не боялись. Прошел мимо. В груди дернулось — не злоба, зависть.

Он шел знакомым маршрутом, отмечая следы вчерашней «стабильности». Лужа под свежезалатанной теплотрассой. Воронка от обрушившегося карниза. «Тараканы» еще не залили пенобетоном.

Каждый такой дефект был молчаливым укором, доказательством, что Империя латает только симптомы, игнорируя гниение.

Воздух отдавал гарью и сладковатым дымом с имперских фабрик. Люди-тени спешили по делам, избегая взглядов.

Возле помойки двое подростков в стеганых имперских куртках играли в «увернись»: один кидал камень, второй уворачивался от патрульного дрона. Дрон фиксировал активность, выдавал предупреждающий щелчок. Подростки замирали на секунду с идиотскими ухмылками, потом начинали снова. Ставка — пачка самокруток.

Сверху с голограммных экранов улыбались дикторы, вещая о процветании.

На проходной пропустили без слов. Старый охранник, дя-

дя Валера, лишь кивнул, буркнув сквозь усы:

— Проходи, проходи...

Его лицо было маской усталой покорности. Щеки обветренные, исчерченные сеткой лопнувших капилляров. Следы жизни на морозе.

Рудольф был своим. Тихим. Не пьющим публично. Идеальным винтиком.

Он прошел мимо коллег, таких же выцветших. Молодой Миша, пугливый, как заяц, нервно дергал левым глазом, шмыгал покрасневшим носом. Старательно не встречался с ним взглядом.

Старая бригада тестировщиков играла в домино на ящике из-под конденсаторов. Разговоры — сплошное нытье. О болях в спине. О ценах на хлеб.

— А в пятом секторе, слышал, выдали новые обогреватели, — сипло сказал один из стариков, переставляя домино. — От имперцев. Говорят, тихие и жарят, как печь. По талонам, конечно, — в голосе не было благодарности. Только усталая констатация: да, они дают, но по своим правилам.

И ты берешь.

Потому что иначе — холод.

Ни солидарности. Ни светлого будущего. Только совместное прозябание.

— Шунт, на месте? — Голос начальника смены, Гордеева, доносился из рации — плоский, выцветший, как и все вокруг. — На восьмерке опять плавает напряжение. Иди раз-

берись и посмотри стабилизатор в пятом коридоре. Вчера мигал, как елка на Первомай. Когда доложишь, выключи рацию. Болтовни лишней не нужно. Не ровен час, услышит кто.

Вечная паранойя Гордеева была здесь единственной формой здравомыслия.

— В курсе, — откликнулся Рудольф.

«Плавает». «Мигал». Система разваливалась, а запчастей нет. Империя поставляла энергию, но не технологии для ее поддержания. Стратегия «черного ящика»: пользоваться можно, понимать — нет.

И ведь пользовались. Вон, у Миши на шее — имперский пластырь-антисептик. Работал безотказно, за три часа затягивал порез. У самого Рудольфа в аптечке лежала такая же коробочка — на случай, если поранится паяльником. Зависимость эту ненавидел, брезговал ею — и все же брал в руки, потому что собственное тело, изношенное, уже плохо жилось само.

Щитовая №8. Рудольф прикоснулся рукой к металлу. Теплый. Перегружен. Открыл дверцу — и перед ним предстал хаос проводов, реле и аналоговых счетчиков. Для него это был язык, и сейчас система кричала о боли.

Он принялся за работу движениями, отточенными до автоматизма. Отключил участок. Прозвонил цепь. Причина нашлась быстро: подгоревший контакт на старом автомате АП-50. Еще советском. Надежном. Грубом. Честном.

Замена заняла десять минут.

Вот оно, наше наследие, — думал, затягивая последний винт. Мы, потомки Гагарина и Королева, латаем дыры в системе, которую сами построили. Инструментами, которые сами создали. А они с их «Небесным Мандатом» смотрят на нас свысока как на дикарей, не способных починить собственное колесо. Но это колесо все еще крутится. В отличие от их стерильных фабрик, которые встанут колом, если отключится центральный сервер в Шэньчжэнь.

Пальцы замерли на прохладном металле. Простой механизм, понятные законы и честность.

А их Мандат...

Идеальный проводник. Но для какого тока? Для тока порабощения.

Повсюду. Даже в нем самом.

Внезапно рация взвыла, но голос был другим — сдавленным, испуганным.

Миша.

— Р-Рудольф Игнатьич, вы... — голос Миши сорвался в писк. — Волков... с третьего... Его нашли. Утром. Опять имплант. Говорят, само...

Не договорил. В трубке было слышно его частое, поверхностное дыхание.

В месте стыка протеза с нервом дернуло.

Волков. Еще один. Третий за месяц. «Самоубийство». Как и у всех с имплантами.

Совпадение? Он не верил в совпадения так же, как не ве-

рил в доброту Империи.

— Миша, дыши.

— Но... он же просто... Он работал! В прошлом месяце даже получил значок «За безупречную интеграцию»! Его фото на доске почета! Как же так?..

— В этом-то и дело. Просто работал, потому заткнись, Миша. Слышишь? Заткнись и работай или будешь следующим в списке.

Отключил рацию. Всхлипы в трубке оборвались.

Взгляд упал на левую руку. Не на пародию снаружи, а на то, что внутри — на паутину проводов, чипов и интерфейсов, вживленных в его нервную систему.

Честный советский автомат перед ним. Враждебный имперский чип внутри. Знакомый зуд под кожей. Все встало на свои места

Ярость подкатила к горлу. Сжал кулак. Ребром ладони, со всего размаха, не целясь — врезал по шине. Металл взвыл, срываясь в звон. Свет моргнул. Защелкали реле. Рука онемела до локтя — Рудольф застыл, глядя на собственную конечность, будто чужую. Паника накрыла.

В тот же миг — поток. Коды, метки, координаты. Чужой язык, не требующий перевода. Зафиксирован несанкционированный энергетический всплеск в сегменте 17-Гамма. Локализация. Запрос: «Идентифицируй источник».

Пальцами в порт запястья — рывок. Кабель наружу. Тишина оглушила. Сердце колотилось. Заметили.

И тут, в такт пульсации фантомной боли, пришло. Резонанс. Маленький импульс в нужной точке рушит конструкцию, в тысячи раз больше себя. Он ударил — Империя дернулась. Что, если не бить? Послать не силу, а вибрацию, частоту, на которую Мандат обязан ответить. Не разрывать — замыкать. На себя. Заразить логику хаосом, болью, правдой, вшитой в код, как мина. Идея валила с ног своей простотой.

Цена.

Убивать быстро не станут. Департамент умел вычищать сознание под корень, оставляя оболочку — и чтобы она еще благодарила.

Миша. Глупый мальчишка. Первым возьмут его. Или дядю Валеру. Или любого, кто хоть раз видел Шунта. Сеть не прощает свидетелей.

Горло сдавило так, что не вдохнуть. Он — ничто. Пыль. Червь, которого раздавят, даже не заметив.

«Как отец», — пронеслось в голове.

Не герой. Не мститель. Сломленный человек, чей бунт закончится в луже у помойки.

Именно страх, не ярость, отбросил от края. Нельзя повторять его путь. Значит — иначе.

Холодно. Точно. Методично.

Империя не получит еще одного Червинского. Он сломает ее первым или хотя бы попытается.

Смена подходила к концу. Рудольф вышел на улицу — сумерки сгущались.

Но теперь эта муть не давила. Маскировала.

Маршрут до дома отложен. Мысль, рожденная не в раздумьях — в резонансном звоне шины, требовала плоти. Места, где ее можно ощупать руками, превратить в металл и припой.

«Арсенал».

Ноги понесли сами — через задворки, мимо спящих дров, к промзоне.

Скрипнула ржавая дверь. Изнутри дохнуло затхлым воздухом, пылью, металлом. Временем, остановленным тридцать лет назад.

Здесь, в бывшей кладовке за укрепленной дверью, хранилось настоящее богатство. Не контрабанда, не оружие — наследие. Радиодетали с советских спутников, микросхемы от старых военных ЭВМ, паяльные станции, собранные руками отца. На полке пылился самодельный тестер с выведенной детской рукой буквой «Р». Отец собрал его, когда Рудольф увлекся радиоэлектроникой.

Теперь это музейный экспонат. Напоминание о будущем, которое отняли.

Все, что Империя считала хламом, для него было золотом.

Каждый транзистор дышал историей, которую пытались стереть.

Щелчок — и аварийная лампа мигнула, зажглась. По стенам, заставленным стеллажами, поползли тени. От «буржуйки» в углу — жалкие крупницы тепла, в ней тлели прессованные опилки. В двух шагах стена дышала инеем.

В глубине комнаты, на узкой полке над верстаком, стояли три предмета. Медные шайбы, отполированные до зеркального блеска. Беспольные, совершенные. Тактильный якорь в плывущем мире.

Рядом — маленькая коробочка из потемневшего дерева, всегда запертая. Внутри — костяшка домино. Артефакт, который нельзя показывать, почти нельзя вспоминать — и выбросить невозможно. Доказательство.

По краю стола, обходя застывшую лужицу припоя, полз таракан. Толстый, блестящий в тусклом свете. Добрался до крошки хлеба — и замер. Жил. Самый живучий вид Сектора-7, которому нет дела до Империи, дронов или исторических вех.

Рука потянулась раздавить — остановилась, отдернулась. — Пусть жрет, — прошептал хрипло. Пусть хоть кто-то будет сыт.

На столе лежал чистый лист миллиметровки, придавленный по углам тяжелыми советскими микросхемами в керамических корпусах. Рядом коробочка с деталями: разобранные приемники, выпаянные конденсаторы, мотки проводов.

Хлам. Сокровище.

Рудольф смотрел на пустой лист и не видел его. Видел схему. Живую, прорисованную до последнего разветвления, выверенную по напряжениям и частотам. Оставалось перенести — на бумагу, потом в металл.

Рука взяла карандаш. Тот самый, отцовский, с обгрызанным концом. Точил его когда-то сам Рудольф, еще мальчишкой, глядя, как отец чертит свои безумные схемы на обратной стороне плакатов «Будь готов к труду и обороне».

Рука легла на бумагу. Пошла.

Линия за линией, значок за значком. Резисторы, конденсаторы, транзисторы, соединительные дорожки, узлы питания, фильтры. Схема росла, ветвилась, обрастала плотью. Он не думал о ней, он просто выпускал ее наружу, как выпускают воздух из переполненных легких.

Через час лист не вмещал больше ничего. Рудольф отложил карандаш, потер переносицу. На пальцах — серый след графита.

Теперь — железо.

Он выбрал кусок текстолита. Не новый — откуда в Секторе-7 новый текстолит? Старый, с выгоревшей платы промышленного контроллера — еще с тех времен, когда заводы дышали, а люди верили. Половина дорожек осыпалась, остальные держались на честном слове и ржавчине.

Ничего. Перепаяет заново.

Ножом счистил старую медь. Тонкая пыль осела на паль-

цы, смешалась с графитом, в воздухе повис окисел — кислый, терпкий, настоящий.

Разметил дорожки. Тонким маркером, почти не дыша, провел линии туда, где встанут детали. Рука не дрожала. Странная вещь: стоило взять паяльник — дрожь уходила, будто металл забирал ее себе, заземлял в общую шину этого проклятого сектора.

Сверло заныло, вгрызаясь в текстолит. Отверстия под выводы — ровные, чистые, как строевой расчет. Делал их с тщательностью часовщика, сверлящего оправу для камня. Мелочь? Нет. В каждой мелочи — жизнь или смерть. Контакт будет — или не будет. Сигнал пройдет — или закоротит в соседней цепи, сожжет все к чертям.

Отец учил: «Паять надо не быстро, Рудик. Паять надо так, чтобы навсегда. Чтобы через двадцать лет открыл, а оно все еще работает. Понимаешь? Чтобы время не брало».

Время брало. Все. Страну, заводы, людей, отца. А эти контакты — не возьмет, потому что честные.

Он вставил детали. Резисторы — первыми, самыми маленькими, самыми незаметными. Потом конденсаторы — электролитические, в алюминиевых банках, похожие на крошечные бочонки с взрывчаткой. Потом транзисторы — стеклянные, с тонкими, как волос, выводами. С ними надо особенно аккуратно: перегреешь — и кремний умрет, так и не узнав, зачем его приговорили к жизни в этой схеме.

Паяльник лег в руку продолжением пальцев. Жало чистое,

залуженное, блестит в тусклом свете аварийной лампы.

Коснулся.

Припой потек — серебристый, жидкий, горячий. Канифольный дух — детство, отцовские вечера, надежда, которую тогда еще не успели украсть.

Контакт. Еще один. Еще.

Работал молча, не отрываясь. Только иногда останавливался, чтобы смахнуть со лба пот или размять затекшую шею. Время исчезло. Остались руки, паяльник, припой. И схема, растущая живой, обрастающая плотью из металла и кремния.

Страх сидел в животе — холодный, плотный ком. Здесь, за работой, не доставал. Была только задача, контакт, дорожка, по которой побежит ток.

А потом побежит не ток, а то, ради чего все это затевалось: голос сестры, стихи, которые она читала, ярость отца, его собственное многолетнее «не могу больше». Сожмется в импульс, вольется в трафик «Небесного Мандата» — и ударит. Не по серверам. По смыслу. По безупречной логике, не способной переварить человеческую боль.

Припаял последний провод, отложил паяльник и посмотрел на то, что получилось.

На столе лежал бесформенный кусок текстолита с торчащими проводами. Безобразный, несуразный, собранный из мусора в промерзшем гараже.

Диализатор.

Первый кирпичик в стене между людьми и их поработителями.

Или первый гвоздь в крышку собственного гроба.

Это еще предстояло выяснить.

Руки дрожали — не от страха, от перенапряжения. Разжал пальцы, пошевелил, разгоняя кровь. Страх никуда не делся — сидел в животе, плотный и холодный. Но рядом лежало нечто весомое. Плата. Маленький кусок текстолита, в котором бился пульс его личной войны.

Рудольф тряхнул головой, сфокусировался на кончике паяльника. Дрожь в руке унялась только когда жало вошло в припой, четкость движений вернулась вместе с холодной злостью. Так всегда.

«Они уже ищут. Волков был третьим. Ты будешь четвертым».

Снаружи раздался резкий механический звук, щелчок шасси, нарастающий низкий гул. Патрульный дрон. Не пролетал — замер напротив склада.

Красный сенсорный глаз медленно сканировал фасад.

Рудольф застыл, паяльник замер в сантиметре от платы, а сердце заколотилось, пытаясь вырваться. Не дышал.

В ушах зазвенела тишина. Оглушительная.

«Знают. Пришли».

Взгляд метнулся к аварийному выходу. Люк в полу, ведущий в сырой коллектор. Побег. Бежать сейчас, бросить все, раствориться в подземельях, спасти свою шкуру.

Дрон простоял тридцать секунд. Камеры медленно повернулись, осмотрели фасад. Задержались на выбитом окне. И отвели взгляд.

Гул нарастал — машина рванула с места, продолжила патруль.

Проверка. Случайный заход на заброшенный объект. Стандартный скрининг.

Но для Рудольфа — знак красноречивее любого предупреждения.

Система не спала, она была здесь и дышала ему в затылок. Ее безразличный механический взгляд скользил по его жизни, готовый в любой миг остановиться и превратиться в приговор.

Рудольф медленно выдохнул. Рука с паяльником дрогнула. По спине пробежала предательская дрожь.

Взгляд упал на шайбы. Потянулся, взял одну — перекачивал между пальцами живой руки. Металл гладкий, холодный, бесполезный. Так всегда, когда нужна опора: считал круги. Один. Два. Три. Ритуал без названия. Только подтверждение: хоть что-то в этом мире сохранило форму.

На двадцатом круге дрожь отпустила. Положил шайбу на место — ровно в оставленный ею след в пыли. Беспорядок должен оставаться узнаваемым.

В кармане куртки тихо вздрогнул имплант-оповеститель. Три импульса. Не тревога — напоминание.

Рудольф замер, взглянул на проекцию перед глазами:

«Назначена процедура углубленной диагностики и синхронизации импланта (Протокол «Дезинфекция/Обслуживание»). Клиника №7. Завтра с 06:00 до 14:00. Первая фаза (дистанционная дезинфекция каналов) будет инициирована в 06:00. Физическая явка к 14:00 обязательна. Неявка приведет к приостановке социального рейтинга и принудительной активации протокола изоляции импланта».

Вроде обычная рутина, но сейчас, после дрона, это звучало не напоминанием, а приглашением в капкан. Завтра. В стерильные стены, где у них будет полный доступ к его нейроинтерфейсу.

Идти — самоубийство. Не идти — приговор.

Он посмотрел на «Диализатор». Зеленый светодиод, который он только что выключил, снова горел ровным, немигающим светом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.